

Повтор и плеоназм в китайско-киргизских лексических соответствиях

Усманова Рано Мадаминовна, старший преподаватель
Айтматова Гульжамал Алтыбаевна, старший преподаватель
Бисерова Аида Хамитовна, преподаватель
Каримова Танзиля Усоновна, преподаватель
Кафедра русского и сопоставительного языкознания, Ошский государственный университет
(Киргизия, Ош)

Статья посвящена сравнительной характеристике повторов и плеонастических образований в китайском и киргизском языках. В ней рассматриваются этимологически идентичные корни двух языков.

Ключевые слова: повтор, плеоназм, китайский язык (ханью), киргизский язык, этногенетические связи.

Мы употребляем термины редупликация, удвоение и повтор как взаимозаменяемые обозначения.

В китайском языке широко представлено удвоение корней и слов. С этим явлением соприкасается плеоназм, называемый также периссологией и обозначающий избыточность выражения смысла с помощью синонимических единиц языка.

В китайском и киргизском языках много общих лексем с повторяющимися и плеонастическими элементами. Эти примеры свидетельствуют об этногенетических и социокультурных связях носителей сравниваемых языков [1, с. 16-25; 2, с. 14-128; 3, с. 307-312; 4, с. 6-11].

В китайском языке есть слово *tǒ* в значении «молчать, безмолвствовать, молча, молчаливо; без слов в уме, про себя, не подавать голоса, беззвучно, безгласно, тихо, без шума; молчание, безмолвие», совмещающее функции разных частей речи, поскольку в этом языке части речи не разграничиваются. Оно напоминает киргизское *моо* «молчаливый, скромный, тихий, необщительный». Последнее, в отличие от китайского слова, имеет в своем составе долгий гласный и употребляется только в атрибутивной функции. Его китайский эквивалент имеет широкую функциональную сферу и содержит в себе не только адъективные, но и глагольные, субстантивные и наречные значения. При повторе его семантика сужается: *tǒtǒ* «молча, без слов, беззвучный». Удвоение киргизского корня существенно меняет первичное значение: адъективность преобразуется в процессуальность: *момой* «прикидываться овечкой, показываться смиренным, послушным». В нем слогаобразующий гласный теряет свою долготу. Ср.: *момойгон* «прикидывающийся овечкой, показывающийся тихим, послушным», *момоюп* «прикидываясь овечкой, показываясь смиренным, тихим» и т.д. [2, с. 303].

Китайские слова *tán* «медленный, медлительный, неторопливый, медленно, нетерпеливо, тихо, не спеша; ленивый, нерадивый, небрежный; напрасный, тщетный, понапрасну, зря; отставать, идти медленно, медлить, не торопиться, погодить» и *tǎntán* «медленно, неторопливо, не спеша, исподволь, потихоньку, понемногу, постепенно», имеющие как общие, так и частные значения, соотносятся с киргизскими лексемами. В киргизском языке *маң* (*болуу*) передает значения «растеряться, расстроиться, проявлять нерешительность, медлительность», а *маң-маң* (*басуу*) – «ступать медленно и размеренно (о верблюде)». В отличие от китайских соответствий, в последних примерах доминируют семы процессуальности.

В обоих случаях киргизские примеры, являющиеся идиомами, содержат более узкую сферу употребления, чем китайские.

Иногда повтор отмечается только в одном из сравниваемых языков: кит. *lá* «болтать, балакать, разговаривать» и кирг. *ла-ла* «болтовня», кит. *lù* «белая цапля, белый, как перья цапли» и кирг. *илегилек* «белый аист», кит. *lùò* «улитка» и кирг. *үлүл* «улитка», кит. *tái* «топать ногами, попирает ногами» и кирг. *тай-тай* (возглас, подбадривающий начинающего ходить ребенка) и т.д.

Кирг. *чымчым* (повтор) «щепотка, ничтожное количество, клочок (чего-либо)», *чымчы-/чымчуу* «щипать, ущипнуть, брать щепоткой», *чымчуур* «щипцы», *чым этип* «вздremнув» – кит. 1) *сiǒ* «щепотка, горстка, ничтожное количество»; 2) *сiǒ/сiǒ* «брать пальцами, брать щепотку; собирать в кучу, сгребать в одно место; собирать вместе, соединять в одно целое, связывать».620

Киргизская корневая морфема *кай-, кей-, көй-, гөй-* в словах: 1) *кайгы* «печаль, тоска, забота», *кайгыр-/кайгыруу* «печалиться, горевать; печаль, горе»; 2) *кейи-/кейүү* «горевать, огорчаться, сетовать», *кейиш* «огорчение, печаль», *кейин-/кейинүү* «говорить огорченно, выражать сожаление», *кейиштүү* «тяжелый, полный огорчений; нерадостный, несчастливый, бедственный (о жизни)»; 3) *көй* «страдание, чувство сожаления» (*көйгө салып* «заставив страдать»), *көйгөк болуу* «вредить, приносить вред, сильно мешать»; 4) *гөй-гөй* «страдание, беда, несчастье, бедствие; жизненные трудности, бытовые проблемы, несчастливая жизнь» соответствует китайским слогам: 1) *hài* «вред, ущерб, вредоносный, вредный; беда, несчастье, бедствие, гибель, трудности, несчастный, жизненно-важное место, стратегически важный пункт, вредить, губить, увечить; мешать, портить, срывать, завидовать; страдать, болеть, быть подверженным (болезни), чувствовать, ощущать»; 2) *gāi* «скорбеть, печалиться»; 3) *kāi* «печалиться, вздыхать, скорбеть, возмущаться, негодовать». Как видим, в киргизском языке имеет место повтор одного из фонетических вариантов древнего корня со значением «страдание, беда, несчастье, бедствие; жизненные трудности, бытовые проблемы, несчастливая жизнь».

Киргизский корень *эр-* соответствует китайскому корню *rè* «горячий, теплый, ласковый, любящий, близкий, пылкий, страстный; горячо, сильно, под горячую руку; разгореться, сблизиться, сдружиться, сойтись; тепло, теплота» и встречается в составе следующих слов: *эрк* «воля», *эркин* «свободный, свободно», *эрке* «баловень, неженка, балованный, избалованный, изнеженный, ласковый, любимый», *эркелө-/эркелөө* «наслаждаться, нежиться, вести себя вольно» и т.д. Этот корень представлен в повторе *эрер-* в слове *эреркелөө* «наслаждаться, нежиться; почувствовать обиду, притворяться обиженным», что свидетельствует о факультативности *-к* в корневой морфеме и о том, что в китайско-киргизских эквивалентах имеет место метатеза: *эр – рэ* [2, с. 430].

Теперь приведем некоторые примеры из сравниваемых языков, демонстрирующие наличие плеонастических образований в одном языке с точки зрения другого. Например, носитель киргизского языка не чувствует излишества в слове *бакан* «средняя подпорка в юрте, подпорка, шест; шест, которым поднимают кошмы и верхнюю часть остова юрты; дубина, дубинка, коромысло». Китайский язык легко объясняет происхождение этого слова. Сочетание слогов *bà* «черенок, ручка, рукоятка» и *gān/gǎn* «палка, жердь, шест, столб, древко, рукоятка, рычаг», *gān* «шест, жердь, палка», вероятно, могло послужить исходом приведенного киргизского слова. Точно также можно объяснить этимологию киргизского слова *бака* «лягушка», которое состоит из двух наименований с точки зрения китайского языка [2, с. 741]. В ханью *wā* «лягушка, лягушачий; непристойный, вульгарный (о музыке)» и *hà* «лягушка». Киргизский пример как бы связывает последние два слога: *бака* из *wā +hà*. Иначе говоря, мы склоняемся к выводу о том, что киргизское слово *бака* представляет собою плеоназм, т.е. семантическое удвоение, и возникло в результате сочетания двух синонимичных слогов китайского языка [2, с. 722].

Киргизское слово *сулуу* «красивый, прекрасный, прелестный» (казах. *сулу* то же) соответствует китайскому *xìulì* [сюли] «прекрасный, очаровательный; красота, прелесть», состоящему из двух компонентов: *xìu* «прекрасный, цветущий, красивый» и *lì* «красивый, прекрасный, прелестный, изящный; прелесть, красота». В киргизском слове выпал первый компонент дифтонга *iù*, а второй компонент дифтонга уподобил себе гласный звук второго слога. Иначе говоря, звуковой облик слова *сулуу* в киргизском языке является результатом действия двух фонетических процессов – диерезы и регрессивной ассимиляции [2, с. 603].

Китайское сложное слово *jīngshēn* «дух, душа, интеллект, ум, психика; духовный, душевный, интеллектуальный, моральный; душевные (моральные) силы, моральное состояние, дух, бодрость, присутствие духа, живость, воодушевление, энергия; дух, суть, сущность, (основная) идея; живой, полный жизни, жизнерадостный, добрый, одухотворенный,

одушевленный, цветущий, пышущий здоровьем, прелестный, со вкусом, быть на чеку, быть внимательным», вероятно, состоит из двух слогов: *jīng* «дух, душа, энергия, (духовные) силы, сперма, семья; привидение, призрак; чистый, без примеси, отборный, лучший, точный, искусный» и *shēn* «дух, добрый дух, гений, небожитель, святой; относящийся к духам, сверхъестественный, чудесный, непостижимый, таинственный, магический, волшебный, сказочный, гениальный; божество, бог, боги, божественный; дух, душа, духовное начало, разум, интеллект, характер, психика, нервы; состояние духа, настроение, духовный, душевный, психический, одухотворенный; проявление душевной силы, вдохновение; экспрессия, выразительность, внимание; живой, экспрессивный, выразительный; внешний вид, выражение (лица), манеры, облик; показательно, выразительно, тонко». Названным китайским словам в киргизском соответствует существительное *жан* «душа, дух, состояние души, чувства, живой организм, тело, туловище, я (ego), я сам, лично, от души, чистосердечно, от чистого сердца, человек, личность; близость, близко к, около, рядом с, бок, сторона, при, с боку, к»; *жаным* «душа, душенька моя», *алтын жан* «золотая душа», *жаным ооруп турат* «я болею, мне не здоровится, мое тело болит», *жан кошуу* «слиться душой», *жан берүү* «оживить, дать жизнь; умереть», *кайран жан* «милая душа, бедная душа», *жаны менен* «от души, от чистого сердца»; *калп айткан жан эмес* «он человек, который не лжёт», *жанында* «при мне, со мной, около меня». Таким образом, сочетание двух синонимических корней китайского языка, являвшихся идентичными этимологически с точки зрения киргизского корня *жан*, содержит близкую и абстрактную семантику, конкретизируемую в каждом конкретном случае своего употребления [2, с. 580-581].

Таким образом, в китайском и киргизском языках широко встречается повтор как стилистическая фигура. К повтору примыкает явление плеоназма, представляющего собою сочетание близких или тождественных по смыслу слов. В киргизском языке много таких слов, которые являются плеоназмами с точки зрения китайского языка и избыточность которых не чувствуется носителями этого языка.

Литература:

1. Зулпукаров К.З., Зулпукарова М.А. Об этногенетических и социокультурных связях ханзу и киргизов по данным языка // Вестник Ошского государственного университета. – 2014. - №2. – С. 16-25.
2. Зулпукаров К.З. Введение в китайско-киргизское сравнительное языкознание. - Бишкек, 2016. – 768 с.
3. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Протеза в киргизско-китайских лексических соответствиях // Материалы международной научно-практической конференции «Современные проблемы тюркологии: язык – литература – культура», 17-18 ноября 2016 года, г. Москва. - М.: Издательство РУДН, 2016. – С. 307-312.
4. Кожоева Г.Ж. Повтор как стилистическая фигура. – Ош, 2014. – 172 с.